

М. Ф. Хамидова

СООТВЕТСТВИЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН СТАТУТУ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

В данной статье рассмотрены вопросы соответствия уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан Статуту Международного уголовного суда. Проанализировано, что государства, ратифицировавшие Статут Международного уголовного суда, должны провести гармонизацию в пределах блока нормативно-правовых актов в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, без чего им невозможно обеспечить надлежащие условия для осуществления сотрудничества с МУС. На основе проведенного исследования автором обоснована необходимость включения нескольких поправок в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан.

Ключевые слова: Римский статут, Международный уголовный суд, уголовное законодательство Республики Таджикистан, уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан.

M. F. Hamidova

COMPLIANCE OF CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW WITH THE STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

This article discusses issues of compliance of criminal and criminal procedural legislation of the Republic of Tajikistan with the Statute of the International Criminal Court. The author notes that the states that have ratified the Statute of the International Criminal Court should harmonize legal acts in the field of criminal law and criminal procedural law. Otherwise it is impossible to provide adequate conditions for cooperation with the ICC. Based on the research, the author substantiates the necessity to make several amendments to the criminal law and criminal procedural legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: the Rome Statute, International Criminal Court, criminal legislation of the Republic of Tajikistan, criminal procedural law of the Republic of Tajikistan.

Международный уголовный суд (далее — МУС) был учрежден в Риме 17 июля 1998 г. и ставит своей задачей положить конец безнаказанности за совершение особо тяжких преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества.¹

Участниками Римского статута МУС в настоящее время являются 122 государства,² что свидетельствует о его широкой поддержке и универсальности.³

Хамидова Манзура Фаизулловна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; manzura.faizieva@gmail.com

Hamidova Manzura Faizulloevna — post-graduate student, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; manzura.faizieva@gmail.com

¹ Лобанов С. А. Проблемы участия России в Римском Статуте Международного уголовного суда // *Международное право — International law*. 2000. № 3. С. 106; Геворкян К. Г. Учреждение Международного уголовного суда (МУС) // Там же. 1998. № 3. С. 204. — По мнению канадского профессора У. А. Шабаса, учреждение Международного уголовного суда представляет «исторический шаг на пути защиты прав человека на международном уровне» (см.: Уильям А. Шабас. *Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью* // *Московский журнал международного права*. 1999. № 4. С. 30).

² Информация об имплементации содержится на сайте Коалиции за Международный уголовный суд (CICC) (<http://www.iccnw.org>).

³ Глотова С. В. Конституционно-правовые вопросы, связанные с обеспечением иммунитета высших должностных лиц в практике имплементации Римского статута Международного

Таджикистан стал 9-м государством — участником Статута МУС, подписав Римский статут МУС 30 ноября 1998 г. и ратифицировав его 5 мая 2000 г.⁴

Общепризнано, что эффективность любых уголовных мер зависит от механизма их осуществления, его четкого и стабильного функционирования. В этом отношении международное уголовное право не отличается от внутригосударственного уголовного права. Ключевое место в данном механизме занимает орган уголовного правосудия. Поэтому всегда, когда разработка материальных международно-правовых норм приводит к постановке вопроса об их осуществлении, оно оказывается возможным преимущественно и исключительно в рамках МУС.⁵

Статут МУС прямо не обязывает государства осуществлять национальное преследование закрепленных в нем преступлений, а лишь создает такой правовой режим, при котором государства вынуждены криминализовать эти деяния и преследовать виновных самостоятельно. Отсюда следует, что в отсутствие обязанности ввести уголовную ответственность за такие деяния каждое государство-участник должно проверить, достаточно ли подготовлены его законодательство и правовая система для того, чтобы соответствовать стандартам, вводимым Римским статутом, или же государство еще нуждается в принятии соответствующих новых законов.⁶

Таджикистан, будучи государством, ратифицировавшим Статут МУС, помимо приведения в соответствие положений своей Конституции с положениями Статута МУС, должен провести гармонизацию в пределах блока нормативно-правовых актов в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, без чего ему невозможно обеспечить надлежащие условия для осуществления сотрудничества с МУС, предусмотренного ч. 9 Статута «Международное сотрудничество и судебная помощь». Согласно ст. 86 «государства-участники в соответствии с положениями Статута всесторонне сотрудничают с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления».

Теперь приступим к рассмотрению общей части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) и начнем с неприменения сроков давности. В соответствии со ст. 11 Римского статута («Юрисдикция *ratione temporis*»)⁷ Суд не обладает юрисдикцией в отношении преступлений, совершенных до вступления Статута в силу. Однако что касается преступлений, совершенных после 1 июля 2002 г. (официальная дата вступления в силу Статута в соответствии со ст. 126) и подпадающих под юрисдикцию Суда, то согласно ст. 29 применительно к ним не устанавливается никакого срока давности.⁸

В отношении сроков давности необходимо обратить внимание на то, что Статут МУС идет несколько дальше Конвенции 1968 г. о недопустимости применения сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества,

---

уголовного суда // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 28.

⁴ <http://www.iccnw.org>

⁵ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. М., 1994. С. 167.

⁶ Русинова В. Н. Пути имплементации Римского статута Международного уголовного суда в российском законодательстве // Актуальные проблемы правовой реформы в России. Калининград, 2005. С. 74.

⁷ Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К. Римский Статут Международного уголовного суда // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II. М., 2006. С. 2731–2732.

⁸ Там же. С. 2738.

участниками которой являются многие государства. Деяния, считающиеся преступлениями в соответствии со Статутом МУС, были позаимствованы не только из договоров, на которые указывает Конвенция 1968 г. (Устав Нюрнбергского трибунала, Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Конвенция о предупреждении актов геноцида 1948 г.), но и из других договоров (Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1977 г.). Кроме того, криминализация некоторых деяний согласно Статуту МУС вообще является новеллой для универсальных международных договоров в области международного уголовного права, например, принудительная беременность, принудительная стерилизация, насильственное исчезновение лиц, совершение которых рассматривается как преступление против человечности. Поэтому применение нормы о недопустимости сроков давности в отношении военных преступлений и преступлений против человечности требует внимательного анализа национального уголовного законодательства Республики Таджикистан, так как перечень деяний, составляющих статутные преступления, шире, чем тот, на который указывает Конвенция 1968 г.

УК РТ в ст. 75 и 81 устанавливает предельный срок давности после совершения особо тяжкого преступления в 15 лет. В то же время в виде исключения из общего правила о давности привлечения к уголовной ответственности согласно ч. 6 ст. 75 УК РТ предусматривается, что к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются.⁹ А к преступлениям против мира и безопасности человечества глава 34 УК РТ, в частности, относит: агрессивную войну (ст. 395 УК РТ); публичные призывы к развязыванию войны (ст. 396 УК РТ); геноцид (ст. 398 УК РТ); преступления против человечности (ст. 403–405 УК РТ). Кроме того, уголовное законодательство, предусматривающее возможность освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, исключает из сферы действия ст. 81 УК РТ лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества.

Таким образом, относительно неприменения сроков давности по отношению к указанным выше преступлениям положения общей части УК РТ соответствуют положениям Статута МУС.

Римский статут предусматривает различные виды освобождения от уголовной ответственности, среди которых указываются: наличие психического заболевания или расстройства, лишаящего лицо возможности осознавать противоправность своего деяния либо его характер или соотносить свои действия с требованиями закона (ст. 31 (1, «а»)); нахождение лица в состоянии интоксикации (ст. 31 (1, «в»)); действия для защиты другого лица или важного имущества (ст. 31 (1, «с»)); действия, являющиеся вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти или неминуемого причинения тяжких телесных повреждений (ст. 31 (1, «d»)).

Совершение деяния при указанных выше обстоятельствах (невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость) согласно ст. 24, 40, 42 УК РТ исключает его противоправность. Указанный Кодекс не предусматривает лишь такого основания для освобождения от ответственности, охватываемого Римским статутом, как нахождение лица в состоянии интоксикации. Напротив, исключается возможность освобождения от ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии

---

⁹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 1998.

опьянения, независимо от его причин (например, использование алкоголя, наркотических, сильнодействующих средств), либо данное обстоятельство отягчает ответственность виновного (п. «н» ч. 1 ст. 62 УК РТ). Каких-либо имплементационных мер в связи с основаниями для освобождения от ответственности не требуется, поскольку в любом случае применимость этих оснований согласно ст. 31 (2) Римского статута определяется МУС.¹⁰

Далее согласно ч. 3 ст. 31 Римского статута МУС предоставлено право, наряду с предусмотренными в этом документе основаниями, применять и иные виды оснований освобождения от уголовной ответственности. Согласно этому положению в ч. 2 ст. 31 УК РТ вынесено дополнение, по которому лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно не могло предотвратить вредные последствия своего деяния в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Согласно п. 2 ст. 32 Римского статута правовая ошибка может стать основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она «исключает необходимую субъективную сторону данного преступления, либо в порядке, предусмотренном в ст. 33 настоящей части». В ст. 33 говорится о том, что лицо, совершившее преступление по приказу вышестоящего лица, может быть освобождено от уголовной ответственности, если это лицо не знало, что приказ был незаконным. Таким образом, военнослужащий может быть освобожден от уголовной ответственности, если: 1) сможет доказать, что он не знал о том, что деяние, которое он совершает, запрещено международным правом, и поэтому у него не было соответствующего умысла; 2) сможет доказать, что он не знал о том, что приказ вышестоящего лица, который он выполнил, противоречит международному уголовному праву. Представляется, что данное положение противоречит как международному уголовному праву, так и национальным уголовным законодательствам большинства государств,¹¹ в том числе и Конституции Республики Таджикистан, в соответствии со ст. 42 которой закреплен принцип *ignorantia legis non excusat* — незнание закона не освобождает от ответственности, в связи с чем оно не может рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

Еще одним шагом в области приведения уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствие с международными обязательствами является имплементация в УК РТ содержания ст. 22 Римского статута, предусматривающей один из основных принципов уголовного права — «*nullum crimen sine lege*». В УК РТ включена ст. 11¹ под названием «Правила толкования уголовного закона», в которой отмечено: «Если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного)».¹²

Касаюсь проблемы неприкосновенности определенных категорий лиц, следует отметить, что привилегии и иммунитет, предоставляемые персоналу МУС при

---

¹⁰ Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К. Римский Статут Международного уголовного суда // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II. С. 2739.

¹¹ Каюмова А. Р. Военные преступления в Римском статуте Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. С. 67–68.

¹² Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УК РТ» от 17 мая 2004 г. // Вестник Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе, 2004.

исполнении ими служебных обязанностей и предусмотренные ст. 48 Римского статута, также положительно разрешены в ч. 4 ст. 14 УК РТ, согласно которой, наряду с дипломатическими представителями иностранного государства, соответствующий иммунитет предоставлен и «иным гражданам», в категорию которых согласно нормам Римского статута попадают и должностные лица МУС.¹³

Римский статут не предусматривает смертной казни за совершенные преступления, как и Уставы Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде.¹⁴ Законом Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни в Республике Таджикистан» от 15 июля 2004 г. № 45¹⁵ назначение и применение данного вида наказания полностью приостановлено до неопределенного времени. Республика Таджикистан, внося существенные изменения в свое уголовное законодательство в области определения мер наказаний, тем самым привела его в соответствие со ст. 77 Римского статута, где в качестве основного наказания предусматривается лишение свободы, которое может быть срочным (не более тридцати лет) либо пожизненным. Так, УК РТ был дополнен ст. 58¹ под названием «Пожизненное лишение свободы» как альтернатива смертной казни.

Как известно, одной из основных проблем для большинства государств выступает проблема выдачи и передачи преступников, которые являются гражданами этих государств. Национальное законодательство Республики Таджикистан придерживается преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции невыдачи собственных граждан. Конституционные нормы Таджикистана считают допустимой выдачу граждан иностранному государству лишь при наличии двустороннего соглашения. Мы не можем согласиться с мнением К. Х. Солиева, который полагает, что для Республики Таджикистан препятствий конституционного характера на этот счет вовсе не существует,¹⁶ так как МУС — это не иностранное государство, а совсем другой по своей правовой природе субъект, и, если конституционные нормы допускают выдачу граждан иностранному государству на основании двустороннего соглашения, из этого не следует, что такое разрешение мы можем автоматически распространить и на случаи возникновения необходимости передачи граждан МУС. Да и в Статуте речь идет о передаче собственных граждан, а не о выдаче. Мы полагаем, что для снятия всех противоречий между Статутом МУС и своей Конституцией Таджикистан должен внести единственную поправку в свою Конституцию, которую можно было бы сформулировать следующим образом: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждениям для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

---

¹³ Солиев К. Х. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и вопросы его соответствия положениям Римского Статута Международного Уголовного Суда // Теоретико-методологические и прикладные аспекты борьбы с преступностью: история и современность. Мат. междунар. науч.-практ. конф. (17–18 марта 2005 г.). В 4 ч. Уфа, 2005. Ч. 1. С. 94.

¹⁴ Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 74–86; 88–102.

¹⁵ <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14818> (дата обращения: 18. 04.2013).

¹⁶ Солиев К. Х. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и вопросы его соответствия положениям Римского Статута Международного Уголовного Суда. С. 94.

Юрисдикция Международного уголовного суда ограничивается особо тяжкими преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества: геноцидом, преступлениями против человечности, военными преступлениями и преступлением агрессии согласно ст. 5–8 Статута.¹⁷ Однако, для того чтобы государства — участники МУС имели возможность возбудить уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступления, охваченное ст. 5 Римского статута, они должны предусмотреть в национальном законодательстве составы соответствующих деяний.¹⁸ Стоит ознакомиться с длинным перечнем пяти форм геноцида, 15 форм преступлений против человечности, более чем 50 различными военными преступлениями и новым положением, касающимся преступления агрессии. Это первая всеобъемлющая кодификация международного уголовного права, основанная на добровольном согласии государств (а не навязанная Советом Безопасности, как, например, Уставы специальных трибуналов).¹⁹

Статья 6 Римского статута воспроизводит ст. II Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г. Поскольку принципы, лежащие в основе Конвенции, признаны в международном праве в качестве обязательных даже без каких-либо договорных обязательств, Республика Таджикистан имплементировала их в качестве обязательных, не будучи даже государством — участником данного договора.²⁰ Статья 7 Римского статута, так же как и ст. 398 УК РТ, для квалификации преступления не устанавливает условия фактического уничтожения идентифицируемой группы; достаточно, если совершено одно из действий, составляющих объективную сторону состава геноцида, но с обязательным условием — намерением подобного уничтожения.

Таким образом, ответственность за геноцид, предусмотренная ст. 6 Римского статута МУС (которая приводит его классификацию по пяти видам), полностью предусмотрена ст. 398 («Геноцид») УК РТ.

Определение преступления против человечности взято из Устава Нюрнбергского трибунала в его толковании и применении этим трибуналом с учетом новых моментов, появившихся в международном праве после Нюрнбергского процесса.²¹ В ст. 7 Римского статута включен широкий перечень деяний, рассматриваемых как преступления против человечности. При этом Статут, давая определение преступлениям против человечности, не требует увязки с каким-либо вооруженным конфликтом, хотя и оговаривает условия, при которых могут совершаться данные преступления: согласно ст. 7 (1) «преступления против человечности» означают соответствующие деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц и если такое нападение совершается сознательно.

---

¹⁷ *Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К.* Римский Статут Международного уголовного суда // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. Ч. II. С. 2727–2731.

¹⁸ См. подробнее: *Kleffner J.* Complementarity in The Rome Statute and National Criminal Jurisdictions. Oxford, 2008.

¹⁹ *Кауль Х. П.* Международный уголовный суд: перспективы после Кампальской конференции по обзору // Российский ежегодник международного права. 2010. Спец. выпуск. С. 76.

²⁰ *Раджабов С. А.* Становление и развитие Международного уголовного суда. Душанбе, 2005. С. 105.

²¹ *Костенко Н. И.* Международный уголовный суд. М., 2002. С. 60.

Преступления, предусмотренные ст. 7 Римского статута МУС, охватываются ст. 403–404 УК РТ, хотя в отличие от Римского статута в данных статьях речь идет о деяниях, совершенных в ходе международного или внутреннего вооруженного конфликта. Вместе с тем в числе деяний, подпадающих под признаки преступлений против человечности, предусмотренные ст. 7 Римского статута МУС, в УК РТ отсутствуют такие нормы, как «истребление», «депортация или насильственное перемещение населения», «принудительная беременность», «принудительная стерилизация» и «насильственное исчезновение людей». Однако следует уточнить, что в УК РФ эти нормы отсутствуют в смысле их соответствия точному контексту Римского статута, хотя подобные деяния в той или иной степени подпадают под действие иных составов преступлений, например, ст. 134 (принуждение); ст. 149 (незаконное ограничение передвижения, свободного выбора места жительства) УК РТ и т. д.

В соответствии с Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УК РТ» от 16 апреля 2012 г. № 808²² в УК РТ была включена ст. 143¹ под названием «Пытки»; деяния, предусмотренные ее диспозицией, соответствуют определению пытки, которое дано в п. (f) ст. 7 Римского статута МУС. Это запрещенное деяние, которое определено в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.²³ (Республика Таджикистан присоединилась к Конвенции 21 июля 1994 г.).

Таким образом, сравнительный анализ УК РТ и Римского статута МУС показывает, что первый не содержит определения преступлений против человечности, как оно дается во втором, уголовное законодательство Республики Таджикистан не предусматривает ответственность за отдельные составы преступлений против человечности в смысле их соответствия точному контексту Римского статута. В связи с этим желательно было бы все составы преступлений против человечности поместить в одну статью либо каждое преступное деяние — в отдельные самостоятельные статьи. Последний подход позволит облегчить работу должностных лиц, осуществляющих правосудие в Республике Таджикистан.²⁴

Конкретные составы военных преступлений предусмотрены ст. 8 (2) Статута, своеобразного Кодекса военных преступлений. Все составы военных преступлений, выделенные в Римском статуте, разделены на две группы: 1) серьезные нарушения Женевских конвенций; 2) другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных международным правом рамках.²⁵

Закрепление составов военных преступлений является актуальной проблемой не только международного, но и национального уголовного права.²⁶ Национальный закон обеспечивает осуществление принципов и норм международного права на

²² Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2012. № 4 (1437). С. 176–177.

²³ *Международное право в документах*. М., 1997. С. 131–141.

²⁴ *Сравнительный анализ законодательства Республики Таджикистан с Римским статутом Международного уголовного суда*. Душанбе, 2004. С. 99.

²⁵ *Адельханян Р. А.* Противодействие военным преступлениям в международном и национальном уголовном праве: современное состояние и перспективы развития // *Российский ежегодник международного права* / под ред. Л. Н. Галенской. 2011. С. 155.

²⁶ *Наумов А. В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // *Государство и право*. 1995. № 6. С. 49–50.

территории своего государства. Кроме того, как показывает практика, большинство дел о военных преступлениях рассматриваются национальными судами, которые при осуществлении правосудия в первую очередь руководствуются уголовными и уголовно-процессуальными законами своего государства.²⁷

Исходя из того, что Республика Таджикистан 13 января 1993 г. ратифицировала Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., меры по криминализации военных преступлений в уголовном законодательстве были осуществлены при разработке и принятии уголовного законодательства Республики Таджикистан 1998 г.

Статья 8 Римского статута предусматривает в совокупности 50 видов военных преступлений, абсолютное большинство которых уже имплементированы в УК РТ. Исключения составляют лишь такие, по смыслу Римского статута, серьезные военные преступления, как «заявление о том, что пощады не будет», «умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны», «набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях», «ненадлежащее использование флага парламентария, флага или военных знаков различия и формы неприятеля или ООН».

С целью устранения указанных пробелов предлагается внести дополнения и изменения в действующий УК РТ, с тем чтобы он отражал весь спектр военных преступлений, предусмотренных Римским статутом МУС, и был полностью совместимым.

Создатели Статута МУС предусмотрели проведение Конференции по обзору Римского статута через семь лет после его вступления в силу. Конференция по обзору состоялась 31 мая — 11 июня 2010 г. в г. Кампале (Уганда). Государства-участники пришли к соглашению по самой важной, самой долгожданной и самой непростой предложенной поправке к Статуту — поправке, касающейся преступления агрессии. Впервые в истории появилась норма международного уголовного права, четко определяющая границы *jus ad bellum*.²⁸

Первый ключевой момент нового определения преступления агрессии — это то, что в нем проводится четкое различие между деянием государства, которое влечет за собой ответственность государства, и деянием отдельного лица, фактически осуществляющего контроль над политическими или военными действиями государства, которое влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность.

Второй вопрос — это так называемое пороговое требование, установленное в будущей ст. 8-бис (1) Римского статута. Согласно этому требованию акт агрессии со стороны государства должен в силу своего характера, серьезности и масштабов являться грубым нарушением Устава ООН. Необходимо одновременное наличие всех трех компонентов — характера, серьезности и масштабов акта агрессии, чтобы такой акт можно было считать грубым нарушением ст. 2 (4) Устава ООН.

Это строгое требование говорит о реалистичности кампальского документа. Поэтому о данном тексте нельзя сказать, что его породили «наивные пацифисты-

---

²⁷ Лобанов С. А. 1) Современные тенденции кодификации института ответственности за военные преступления // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 7; 2) Кодификации норм об ответственности за военные преступления: преемственность и развитие // Там же. 2009. № 10. С. 7–15.

²⁸ Кауль Х. П. Международный уголовный суд: перспективы после Кампальской конференции по обзору. С. 81.

мечтатели». В то же время эта неотъемлемая и характерная реалистичность, вероятно, увеличивает вероятность того, что кампальские поправки будут ратифицированы к 2017 г. как можно большим числом государств.²⁹

УК РТ в ст. 395 предусматривает уголовную ответственность за агрессию, где речь идет о планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, а в ст. 396 предусмотрена ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Понятно, что это весьма узкая трактовка, не содержащая всех компонентов акта агрессии в соответствии с кампальскими поправками, и требуется внесение изменений в УК РТ для его полного соответствия Статуту МУС.

В ст. 70 (1) Римского статута приведен перечень умышленно совершенных преступлений против правосудия, в отношении которых МУС обладает юрисдикцией.

Преступления против правосудия предусмотрены главой 32 УК РТ и охватываются ст. 345–365 Кодекса. Как показывает сравнительный анализ, уголовное законодательство Республики Таджикистан в целом включает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Римского статута, что в свою очередь снимает с повестки дня вопрос о внесении существенных изменений в УК РТ. Однако вряд ли можно утверждать, что положения этой главы распространяются и на международные судебные учреждения, поскольку как глава 31 входит в раздел X УК РФ,³⁰ так и глава 32 входит в раздел IX УК РТ «Преступления против государственной власти». Международный уголовный суд органом государственной власти не является. И с учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить главу 32 и ст. 319 УК РТ примечаниями, согласно которым приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия Судом.³¹ Например, как и многие государства, Швейцария просто распространила действие существующих законов, сделав их применимыми к преступлениям против процедур МУС (ст. 309 швейцарского Уголовного кодекса).³²

Кроме имплементации статутных преступлений в своем национальном уголовном законе Таджикистан как государство — участник Статута МУС должен также обеспечить в своем законодательстве наличие необходимых процедурных механизмов, позволяющих осуществлять сотрудничество своих органов с Судом (определение органов для сотрудничества с Судом; выполнение запросов о помощи; арест лица на основании ордера, выданного Судом; передача лиц Суду; действия по расследованию преступлений, осуществляемые прокурором Суда, и др.). Данное обязательство прямо вытекает из ст. 88 Статута МУС. Следует иметь в виду, что помимо общего обязательства по сотрудничеству с Судом Статут охватывает конкретные положения, регламентирующие порядок выполнения отдельных действий, связанных с оказанием правовой помощи. Кроме просьб о передаче лица, все остальные просьбы о правовой помощи могут быть отклонены запрашиваемым государством.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ Марусин И. С. Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 116.

³¹ Раджабов С. А. Становление и развитие Международного уголовного суда. С. 110.

³² Торманн О. Вопросы, поднимавшиеся в связи с ратификацией и имплементацией Статута МУС в Швейцарии // Российский ежегодник международного права. 2003. Спец. выпуск. С. 108.

При этом единственным основанием для отказа от оказания правовой помощи являются интересы национальной безопасности.³³

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан предусматривает специальный раздел, посвященный оказанию правовой помощи по уголовным делам, — раздел XIII «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств по уголовным делам». Однако указанное процессуальное правило регулирует межгосударственное сотрудничество по оказанию взаимной правовой помощи, не затрагивая вопросов сотрудничества с международными судебными учреждениями.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан должно быть адаптировано для целей сотрудничества с МУС. Для этого нужно внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан либо принять специальный закон о сотрудничестве с МУС. Полагаем, что второй вариант более желателен, поскольку, с одной стороны, нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан регламентируют процессуальные вопросы уголовного преследования, осуществляемого национальными органами, а с другой стороны, оказание правовой помощи по уголовным делам, регламентируемое УПК Республики Таджикистан, охватывает только сферу межгосударственного сотрудничества.

Таким образом, сравнительный анализ Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Таджикистан и Римского статута МУС показывает следующее:

— относительно неприменения сроков давности по отношению к указанным выше преступлениям положения общей части УК РТ соответствуют положениям Статута МУС;

— Римский статут предусматривает различные виды освобождения от уголовной ответственности за совершение деяния, в состоянии которых согласно ст. 24, 40, 42 УК РТ исключается его противоправность. УК РТ не предусматривает лишь такого основания для освобождения от ответственности, охватываемого Римским статутом, как нахождение лица в состоянии интоксикации. Каких-либо имплементационных мер в связи с основаниями для освобождения от ответственности не требуется, поскольку в любом случае применимость этих оснований согласно ст. 31 (2) Римского статута определяется МУС;

— касаясь проблемы неприкосновенности определенных категорий лиц, следует отметить, что привилегии и иммунитет, предоставляемые персоналу МУС при исполнении ими служебных обязанностей и предусмотренные ст. 48 Римского статута, также положительно разрешены в ч. 4 ст. 14 УК РТ, согласно которой наряду с дипломатическими представителями иностранного государства соответствующий иммунитет предоставлен и «иным гражданам», в категорию которых согласно нормам Римского статута попадают и должностные лица МУС;

— Римский статут не предусматривает смертной казни за совершенные преступления. Законом Республики Таджикистан «О приостановлении применения

---

³³ Сафаров Н. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда. Баку, 2002. С. 27.

смертной казни в Республике Таджикистан» от 15 июля 2004 г. № 45³⁴ назначение и применение данного вида наказания полностью приостановлено до неопределенного времени. Республика Таджикистан, внося существенные изменения в свое уголовное законодательство в области определения мер наказаний, тем самым привела его в соответствие со ст. 77 Римского статута, где в качестве основного наказания предусматривается лишение свободы, которое может быть срочным (не более тридцати лет) либо пожизненным. Так, УК РТ был дополнен ст. 58¹ под названием «Пожизненное лишение свободы» как альтернатива смертной казни;

— ст. 6 Римского статута воспроизводит ст. II Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г. Поскольку принципы, лежащие в основе Конвенции, признаны в международном праве в качестве обязательных даже без каких-либо договорных обязательств, Республика Таджикистан имплементировала их в качестве обязательных, не будучи даже государством — участником данного договора. Таким образом, ответственность за геноцид, предусмотренная ст. 6 Римского статута МУС (которая приводит его классификацию по пяти видам), полностью предусмотрена ст. 398 («Геноцид») УК РТ;

— в ст. 7 Римского статута включен широкий перечень деяний, рассматриваемых как преступления против человечности. Преступления, предусмотренные ст. 7 Римского статута МУС, охватываются ст. 403–404 УК РТ, хотя в отличие от Римского статута в данных статьях речь идет о деяниях, совершенных в ходе международного или внутреннего вооруженного конфликта. Сравнительный анализ УК РТ и Римского статута МУС показывает, что первый не содержит определения преступлений против человечности, как это дается во втором, уголовное законодательство Республики Таджикистан не предусматривает ответственность за отдельные составы преступлений против человечности в смысле их соответствия точному контексту Римского статута. В связи с этим желательно было бы все составы преступлений против человечности поместить в одну статью либо каждое преступное деяние — в отдельные самостоятельные статьи. Последний подход позволит облегчить работу должностных лиц, осуществляющих правосудие в Республике Таджикистан;

— исходя из того, что Республика Таджикистан 13 января 1993 г. ратифицировала Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., меры по криминализации военных преступлений в уголовном законодательстве были осуществлены при разработке и принятии уголовного законодательства Республики Таджикистан 1998 г. Статья 8 Римского статута предусматривает в совокупности 50 видов военных преступлений, абсолютное большинство которых уже имплементированы в УК РТ. Исключения составляют лишь такие, по смыслу Римского статута, серьезные военные преступления, как «заявление о том, что пощады не будет», «умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны», «набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях», «ненадлежащее использование флага парламентарера, флага или военных знаков различия и формы неприятеля или ООН». С целью устранения указанных пробелов предлагается внести дополнения и изменения в действующий

³⁴ <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14818> (дата обращения: 18.04.2013).

УК РТ, с тем чтобы он отражал весь спектр военных преступлений, предусмотренных Римским статутом МУС, и было полностью совместимым;

— УК РТ в ст. 395 предусматривает уголовную ответственность за агрессию, где речь идет о планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, а в ст. 396 предусмотрена ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Понятно, что это весьма узкая трактовка, не содержащая всех компонентов акта агрессии в соответствии с кампальскими поправками, и требуется внесение изменений в УК РТ для его полного соответствия Статуту МУС;

— в ст. 70 (1) Римского статута перечислен перечень умышленно совершенных преступлений против правосудия, в отношении которых МУС обладает юрисдикцией. Преступления против правосудия предусмотрены главой 32 УК РТ и охватываются ст. 345–365 Кодекса. Как показывает сравнительный анализ, уголовное законодательство Республики Таджикистан в целом охватывает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Римского статута, что в свою очередь снимает с повестки дня вопрос о внесении основательных изменений в УК РТ. Однако с учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить главу 32 и ст. 319 УК РТ примечаниями, согласно которым приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия Судом;

— уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан должно быть адаптировано для целей сотрудничества с МУС. Для этого нужно внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан либо принять специальный закон о сотрудничестве с МУС. Полагаем, что второй вариант более желателен, поскольку, с одной стороны, нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан регламентируют процессуальные вопросы уголовного преследования, осуществляемого национальными органами, а с другой стороны, оказание правовой помощи по уголовным делам, регламентируемое УПК Республики Таджикистан, охватывает только сферу межгосударственного сотрудничества.

Принятие данных предложений позволит привести уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан к полному соответствию со Статутом МУС.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2014 г.